

Николай Петрович Вагнер

Кардыган

*Часть сборника
Сказки Кота-Мурлыки (сборник)*

Сказки Кота-Мурлыки

Николай Вагнер

Кардыган

«Public Domain»

1872

Вагнер Н. П.

Кардыган / Н. П. Вагнер — «Public Domain», 1872 — (Сказки
Кота-Мурлыки)

«Вставай, мой сладенький, мое ядрышко писаное, рисованое. Вставай духом.
К заутрене звонят...»

Содержание

I	5
II	6
III	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Николай Петрович Вагнер

Кардыган

Посвящается Я. П. Полонскому

I

Вставай, мой сладенький, мое ядрышко писаное, рисованое. Вставай духом. К заутрене звонят.

– Сейчас, няня, сейчас! – говорил ядрышко рисованое. И весь тянется и хочет раскрыть глаза, а они точно медом намазаны. Никак их не разожмешь...

И няня натягивает чулочки ядрышку рисованому, а ядрышко все-таки не может раскрыть глаз.

– Мы, няня, к Покрову пойдем? – спрашивает он.

– К Покрову, моя веточка, мое яблочко наливное. Там и батюшка такой ласковый, и певчие так хорошо, согласно поют, точно ангельское пение.

И ягодку, наконец, подняли с постели, умыли, одели и пошла с ним нянька в церковь. Пошла она с черного хода, потому что парадный еще заперт, и швейцар, седой Власыч, еще спит – старый хрен.

От утреннего холодку мальчик весь продрог. Ведут его, ковыляет он, ковыляет больной ножкой, бредет по снегу через силу – худенький, маленький, больной, мозглявый – в чем душа держится.

Отстояли заутреню. Домой уж как-то скорее и бодрее идется. И ноги не скользят, и дрожь куда делась.

Пришли и снова повалились спать.

– До утра-то еще долго. Сосни, моя ясочка. Дай я сниму с тебя платье и ботиночки...

– Я так, няня... в платье...

– Как можно в платье! Все помнешь, в пуху вываляешь... Давай, я духом сниму, херувим мой радостный...

– Зачем же, няня, ты меня херувимом зовешь? Херувимы, ведь, на небе.

– Ну, это я так... от избытка сердца... мой ангельчик... Ведь всякое дитя малое – тот же херувим, ангел-хранитель не отходит от него, а как уснет младенец-то, он его душеньку к себе берет, в обители божьи. Там страсть хорошо. Сады неописанные... цветы райские, птички сладкогласные.

– Няня! вот бы туда попасть!..

– Попадешь, хороший мой... младенец радостный.

И мальчика раздели и снова уложили в постель... Прилегла и няня, позевывая, крестясь и приговаривая: Господи Иисусе Христе, помилуй нас грешных!

Через четверть часа няня всхрапывает самым блаженным образом, и мальчик не будит ее, но и заснуть не может. Все он думает: как там будет хорошо в небесных райских садах! Там будет и свет, и радость. И учиться не надо. Играй себе день-деньской. И все время без конца будет там и светло и тепло... А какое же солнце там будет светить?..

На этом вопросе он зевнул и заснул.

II

Настало позднее утро, и весь дом начал подниматься на ноги. Проснулись дворники, кучера, повара и поваренки, лакеи и камеристки. Проснулись гувернер и гувернантка. Все проснулось, только в разное время. И все ходит на цыпочках и шепчется, потому что спит еще она, сама барыня, ее сиятельство, княгиня.

Гувернантка пришла в детскую. Няня давно уже встала, своего «радостного» разбудила и принарядила. Шелковые волосики ему расчесала и напмадила.

Гувернантка ведет Книпочку в столовую, куда через полчаса выходит мама.

Лицо ее такое свежее, моложавое, точно у молоденькой девушки. И так она мило одета, вся в легком, эфирном, даже не по сезону.

– Et bien, mon petit, bonjour! (ну, малютка, здравствуй), – говорит она, подставляя ему для поцелуя розовую, надушенную щеку, и пристально смотрит в большие серые глаза Книпа своими прелестными голубыми глазами.

– Он по утрам всегда ужасно бледен! – обращается она к гувернантке по-французски... – и глаза красны.

– Еще бы! – отвечает гувернантка. – Каждое утро его старая бонна таскает к заутрене...

– Д-да! – говорит мама задумчиво. – Но это необходимо, мадмуазель, необходимо... Это укрепляет дух... Не так часто разумеется...

Мама подает Книпу сдобную булочку из сухарницы. Эту булочку тихо, шепотом выпросил у нее Книп.

И снова она смотрит, пристально смотрит на Книпа.

«Если бы ты был красивее, – думает она, – о! как бы я была счастлива». И она задумчиво разглаживает его шелковистые волосы.

А Книп с таким наслаждением убирает булочку. Он ничего не ел с самого раннего утра. У него такой волчий аппетит.

В столовую приходит гувернер, добродушный и молчаливый немец. Приходит и русский учитель, студент третьего курса, который выглядит совсем еще юношей. Обязанность всех троих – и гувернантки, и гувернера, и учителя – учить, наставлять, просвещать маленького Книпа, единственного сына старинной княжеской фамилии.

Для Книпа отведены целых три комнаты и зала, кроме его детской спальни. В одной комнате классная, в другой физический или химический музей-кабинет, разумеется, детский; в третьей – гимнастика. В зале можно просто бегать. Но в том-то и беда, что Книп не может бегать. Он коротыш, у него одна нога короче другой.

К Книпу, аккуратно через день, ездят два доктора. Один лечит всего Книпа разными декоктами и микстурами и противным рыбьим жиром, а другой лечит только ему ногу, специально одну его больную ногу. И так его лечат с самых ранних лет, все лечат, лечат, а вылечить не могут.

III

И вдруг, в один тихий, морозный вечер, Книп очутился на улице. Точно тот сказочный принц, который превратился в нищего. Исчез пышный дом-дворец, исчезли музеи и залы, исчезли доктора, учителя, гувернеры и гувернантки – все исчезло, даже старая добрая няня, и очутился Книп в бобровой шубке и такой же шапке один на улице.

Случилось это очень просто.

У Книпа не было отца. Он умер. К маме в гости ездили разные важные, нарядные дамы, барыни и кавалеры, баронессы, княгини и графини, графы, князья и звездатые генералы. Но маме из всех гостей понравился один барон Герценштейнбург. У него было очень красивое лицо, прекрасные черные, блестящие глаза и большая черная борода. Откуда явился барон и даже был ли действительно он барон – этого никто не знал и куда вдруг исчез, тоже никто не знал. Но только он исчез не один, а вместе с мамой Книпа. Говорят, что он увез ее в Германию или Италию, а может быть и в Америку, но перед самым отъездом он поехал покататься с маленьким Книпом. Он завез его куда-то далеко, посадил в одной дрянной, кривой улочке, около забора, сказал ему, чтобы он немного подождал, что он сейчас же вернется, только купит пряников – и исчез.

Улочка была темная. Фонари в ней горели, но ничего не освещали. Когда скрылись санки барона и его быстроногий рысак, когда морозная, глухая пустота и темнота со всех сторон охватили Книпа, он крепко испугался. Маленькое сердце его сжалось, он дрожал от страха и прислонился к заборчику. Где-то в стороне залаяла собака.

«Должно быть, большая и страшная, – подумал Книп, – прибежит и съест меня».

Прошло с четверть часа; но Книпу показалось, что прошло по крайней мере часа два. Мороз начал щипать его ноги, хотя на них и были надеты теплые бархатные сапоги. Он плакал и подпрыгивал, стоя около забора. Вдруг он услышал, что кто-то идет. В дали длинной улочки показались два человека. Они бойко, молча шли прямо к Книпу. Снег скрипел под их ногами. Они прошли близко возле Книпа, остановились и обернулись.

Оба были рослые, здоровые молодцы.

Один из них вдруг молча подошел к Книпу и снял с него шапку, так что Книп остался только в одних ваточных наушниках.

Между тем другой молодец расстегнул бобровую шубку Книпа, приподнял ее за воротник, вместе с Книпом, встряхнул и вытряхнул из нее Книпа, как из мешка. Книп упал на тротуар и ушиб больно руку и плечо; при этом он вздернул обе свои ножки кверху. Молодец быстро нагнулся и стащил с них бархатные сапожки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.